

умерла Наталья Дудинская

ОЛЬГА ГЕРДТ
ГЮЛЯРА САДЫХ-ЗАДЕ

На 91-м году жизни умерла выдающаяся балерина, одна из легенд советского балета, Наталья Михайловна Дудинская. В советской балетной иерархии Дудинская почти тридцать лет была главной балериной Кировского балета.

Учениц у Агриппины Вагановой было много, и почти все они стали выдающимися балеринами. Но, пожалуй, только двух из них можно назвать самыми любимыми — Марину Семенову, царившую на московской сцене, и Наталью Дудинскую, приему Кировского балета. «Она горит, когда творит на сцене», — писала не щедрая на похвалы Ваганова. Талю Дудинскую из числа других учениц выделила именно она. Другие педагоги не видели в ней особых способностей — живая и шаловливая девчонка была музыкальной, обладала абсолютным слухом и прекрасным голосом. «Дудинская вряд ли будет хорошей танцовщицей, но могла бы стать выдающейся певицей», — записал в журнал инспектор училища о будущей ленинградской прима. Ваганова не только «укротила» маленькую шалунью («Косы давно обрезали даже китайцы», — сказала она на уроке, заметив длинную косу Тали Дудинской, и на следующий день та пришла с короткой стрижкой) и не просто воспитала. Ваганова развила в танце Дудинской те самые черты, что будут доминировать в эстетике советского балета тридцатых-пятидесятых годов. Одна из самых виртуозных балерин своего времени, Дудинская была великолепна и в парадной классике, и в современных героических балетах.

Еще одно достижение Вагановой — счастливая личная жизнь Дудинской. Именно Агриппина Яковлевна впервые, еще в училище, вывела на сцену будущую звездную пару. Один из самых элегантных принцев Кировского балета, Константин Сергеев стал мужем, партнером и любимым балетмейстером Натальи Дудинской. В сороковые годы за балеты Сергеева, в которых она исполняла главные партии («Золушка», «Рай-

монда»), Дудинскую буквально осыпали Государственными премиями. Впрочем, немеченным не осталось и ее сотрудничество с другими ведущими хореографами того времени — Вахтангом Чабукиани, Леонидом Якобсоном.

Партнерами Дудинской были легендарные танцовщики: Вахтанг Чабукиани, Борис Брегвадзе, Константин Сергеев. Но мало кто помнит, что самой первой партнершей Рудольфа Нуриева в Кировском театре стала Наталья Дудинская. Танцевать с балериной такого уровня и такой славы в «Дон Кихоте» было для молодого танцовщика и поддержкой, и солидным авансом.

Оставив сцену, она продолжала жить балетом и до последнего времени не оставляла преподавание в Вагановском училище (ныне Академия русского балета), в котором проработала более полувека. Среди учениц Натальи Дудинской — яркие солисты Мариинского балета: Маргарита Кулиш, Ирина Желонкина, Ирина Шешина, Ульяна Лопаткина.

В прошлом году, незадолго до своего юбилея, Дудинская сильно простудилась.

Но даже нездоровье не помешало ей присутствовать на первом акте «Спящей» — потом она устала и удалилась. Все четыре дня, пока шли спектакли в ее честь, Наталья Михайловна, хоть и ненадолго, на акт-полтора, но все же приходила в театр, в котором танцевала с 1931 года. Иначе она не могла: театр был необходим ей как воздух, он подпитывал ее чувство жизни, помогал ощущать себя нужной, незабытой, почитаемой.

«когда она выходила только на сцену, в зале уже стон стоял»

Борис Яковлевич Брегвадзе, партнер Дудинской: «Впервые мы встретились с Натальей Дудинской в 1949 году, в балете «Лауренсия». И потом на протяжении многих лет, до 1967 года, танцевали вместе. Я танцевал с нею в балете «Тропою грома», в «Баядер-

Романтической парой Наталья Дудинская и Константин Сергеев были и в жизни, и на сцене. Балет «Тарас Бульба»
Фото из Музея Большого театра

ке», «Маскараде», но в «Лауренсии» — по-настоящему. И скажу вам, Наталья Михайловна была гениальной балериной. Упоительно было танцевать с ней, просто дотрагиваться до нее, поддерживать. Я почитал это за высшее счастье.

По масштабу личности она превосходила многих в театре. Была очень разносторонней: могла танцевать и темпераментные

партии героического плана — как в «Лауренсии», и лирические партии Одетты-Одиллии, Авроры. Могла создать и образ современной девушки — как Сари в «Тропою грома», эта партия получалась у нее бесподобно.

Кроме того, в ее арсенале был целый блок превосходных польских номеров — из «Тараса Бульбы», из «Ивана Сусанина». Польский характер она чувствовала замечательно. Техника, темперамент, шарм — все было при ней. Она буквально обволакивала вас своим обаянием. Была миниатюрной, с ладной фигуркой, но руки и ноги у нее были длинные, поэтому она казалась выше ростом.

Танцевать с ней было очень удобно, потому что она почти все делала сама. Часто говорила мне: «Ты только мне не мешай». Так что проблемы поддержки, слияния в любовных дуэтах для нас практически не существовало.

Наталья Михайловна успела так много, что можно считать, прожила жизнь за троих. Занималась и выступлениями, и педагогикой, и репетиторством. Педагогом она была прекрасным. Придумывала образцовые упражнения — ну просто лучше не придумаешь — по комбинаторике, по пальцам, по экзерсису. Даже в последнее время, когда она уже не могла показывать на уроках, она делала поразительно точные замечания по технике. Кто мог понять их, тому было достаточно.

Последний раз мы виделись в сентябре, на ее именинах. Она была весела; впрочем, она всегда была очень жизнерадостным, веселым человеком, понимающим юмор. Никогда не жаловалась. Говорила мне: «Я тебя люблю» — и мне было очень приятно.

С нею ушла целая эпоха; уже почти ничего не осталось из того, первого вагановского выпуска: Уланова, Йордан, Вечеслова, все ушли.

Дудинская очень многое дала петербургскому балету, да что там — мировому балету. Какие в ее времена были спектакли! Когда она выходила только на сцену, в зале уже стон стоял. Она умела забирать зал в свои руки: черные глаза сверкали, пронизывали публику».

«она огорчалась, когда с репертуара снимали балеты Сергеева»

Ирина Желонкина, солистка балета Мариинского театра, ученица Н.М. Дудинской:

«Для нас она была родным человеком, который когда-то вошел в нашу жизнь, да так и остался в ней навсегда. Мы обижались на нее в детстве, когда еще ничего не смыслили в ремесле: нам казалось, что она придирается по мелочам. Но мелочей в нашей профессии не бывает, и Наталья Михайловна это хорошо понимала. Она считала, что техника — прежде всего, и хореографический текст нужно исполнять точно и правильно, добиваясь идеальной формы. Но в жизни, за пределами класса, она была живой, естественной, доброй. Очень часто вспоминала она Константина Сергеевича. Ей трудно было говорить об этом, это была ее всегдашняя боль — и все же она расцветала, вспоминая его. Это была настоящая любовь, такая, про которую в книжках пишут. Этими воспоминаниями она жила.

Наталья Михайловна была бесценным свидетелем. На ее глазах балетные эпохи сменялись, уходили одна за другой. Она очень огорчалась, когда с репертуара снимали балеты, поставленные Сергеевым. До того сильно, что даже не могла об этом говорить, отказывалась.

Конечно, ей нравилась старая добрая классика и не нравилось, когда в классических балетах начинали что-то менять. Но кое-какие современные балеты она принимала. Например, «Легенду о любви» Григоровича. Она признавалась, что сначала не все поняла, но потом оценила хореографический стиль.

Я так жалею, что не успела повидать ее! Все собиралась зайти и день за днем откладывала. А в последний раз, когда звонила, впервые в жизни услышала от нее слова жалобы. Она сказала: «Что-то я не очень хорошо себя чувствую». Я перепугалась, спросила, в чем дело, а она ответила: «Вообще плохо».

«она не предала своего педагога»

Николай Цискаридзе, ведущий танцовщик Большого театра:

«Я с ней встречался только в работе, и мне было очень приятно, когда в Питере, на обменных гастролях, Наталья Михайловна пришла после спектакля — это была «Жизель», — подошла, наговорила очень много теплых слов. А ведь она много лет была одной из основных исполнительниц Жизели в Петербурге и танцевала с одним из лучших Альбертов — Константином Михайловичем Сергеевым. Она говорила о тексте, который я исполнял, что он напомнил ей тот рисунок, который был у Константина Сергеева. Для меня это была большая честь.

Когда я приезжал в Питер и ее встречал, она всегда передавала приветия Марине Тимофеевне Семеновой — она знала, что я учусь у нее. Я был такой «балетной почтой» для Натальи Михайловны. Она преклонялась перед Семеновой и несколько раз говорила мне, что Семенова для нее икона и что она равнялась на нее. Они обе были любимыми ученицами Вагановой, и в те времена, когда у Вагановой начались трудности, когда ее пытались убрать из школы, когда многие ученицы от нее отвернулись, Семенова и Дудинская этого не сделали. И Марина Тимофеевна мне рассказывала, что Ваганову одной из первых поддержала Наталья Михайловна. Она всегда говорила, что Талю — она так ее называет — всю жизнь была предана Вагановой. А для Семеновы, так же как и для меня, это очень много значит.

Когда уходят такие великие люди, не всегда появляются в прессе только положительные свидетельства. Часто много отрицательного, много неправды. Наталья Михайловна была одной из главных балерин Кировского балета, она была королевой, а вы знаете, как у нас любят королей?

У нас любят ударить того, кто ушел и не может ответить. Таких людей, как Наталья Михайловна, не надо обсуждать, ими надо гордиться и восхищаться».